

*Я знаю — никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...
Александр Твардовский*

Меня могло на свете и не быть —
Хотели до рождения убить.
Летела пуля в голову отца.
Случайный взмах! И капелька свинца
Попала в руку, в локтевой сустав,
Навеки быть смертельной перестав.
Был госпиталь. Блокадный Ленинград...
Я не хочу об этом невпопад!
Я ничего не знаю о войне!
Но дух отца тревожит память мне.

Отец вернулся к матери моей,
Его там ждали двое сыновей,
И дочке (старшей) было девять лет,
А нас с Верушкой и в помине нет...
Два брата у меня и две сестры.
Мы друг для друга — разные миры.
Един для всех нас корень родовой.
Войне конец. И наш отец живой!
И я горжусь (кто помнит, тот поймёт):
Мой год рожденья — сорок пятый год.

Но первые рассказы о войне
Не от отца пришлось услышать мне.
Отец молчал. Я видел, вертопрах, —
В его глазах застыли боль и страх.
Но брал своё в застолье самогон.
И поддавался уговорам он.

— Петруха, легче станет, расскажи...
— По Ладоге осенней три баржи
Из госпиталя раненых везли —
Добраться б только до Большой земли.

В блокадном небе «Юнкерс» вдруг завыл
И в три захода баржи разбомбил.
И в ледяной барахтались воде
От взрывов уцелевшие. В беде
Мне повезло. Я грёб одной рукой,
Готовясь утонуть. Но вдруг с доской
Рука в воде столкнулась. Та доска —
Моё спасенье и моя тоска.
За край доски (будь проклят этот век!)
Ещё один схватился человек,
Такой же, видно, раненый солдат.
Коль есть ты, Бог, верни меня назад!
Я лучше в сорок первом утону.
Не спрашивайте больше про войну!
Ведь та доска не вынесла двоих.
Я, а не он обнял детей своих...
Отец скрипел зубами, слёзы лил
И матерился так, что свет не мил...

Запомнил я рассказ, когда подросток.
Зачем запомнил — тут другой вопрос.
Я на него ответить не могу
У Ладоги, на сонном берегу,

* Мой отец, Алешков Пётр Фёдорович (1912–1986) — участник Финской кампании и Великой Отечественной войны. Красноармеец 13 роты миномётного батальона 657 стрелкового полка. Был дважды ранен. С фронта вернулся в 1943 году

Где я стоял и думал об отце
И о себе самом — в его лице.
Я был и в Колпино, где на передовой
был ранен Пётр Алешков, рядовой...

Плетёный, чёрный помню тарантас.
Гнедок возил в том тарантасе нас.
Я хлебушек делил с ним пополам.
Мы ездили по фермам, по полям.
Последышем в семье тогда я был.
Отец меня особенно любил.

— Заглянем-ка, давай, сынок, в Бурды, —
Сказал отец. — Тут полчаса езды.
Не зря стоит деревня на пути.
А мне нельзя деревню обойти.
Иначе прокляну свою судьбу...
И мы вошли в татарскую избу.
Черёмуха под окнами цвела.
Бабай там жил, абийка там жила.
А на стене — их дочери портрет.
Я понял, что её на свете нет...
Отец мешок зерна в сарай занёс.
— Рахмат, рахмат... Не обошлось без слёз.
Потом мы пили чай. Бабай молчал.
Лишь белой бородой бабай качал.
Рассказ отца печально слушал он:
— Бибисара́ услышала мой стон.
И к госпитальной койке подошла.
Висела бирка там. Она прочла —
Откуда, кто. Узнала, что земляк.
— Как жизнь, солдат?
— Спасибо. Кое-как.
Вот только рана ноет всё сильнее,
Но без неё бы стало голодней.
— Солдат, ты шутишь? Значит, будешь жить.
— Хотелось бы, конечно. Может быть.

Сестрёнка! Если всё же я умру,
Ты за меня родимому двору,
Когда из ада выйдешь, поклонись,
А мне сейчас, прошу я, улыбнись.
— Ты прав, солдат. Блокада — это ад...
Я до войны попала в Ленинград.
Учёба. Медицинский институт.
Война. Приказ. Я оказалась тут.
Поверь, солдат, на берегах Невы
Мы голодаем так же, как и вы.
— Держись, землячка! Вот наступит мир
На родине с тобой закатим пир.
— И ты, солдат, держись. Надежда есть...
Через неделю смог я перелезть
С кровати на носилки. Ваша дочь
Сумела как-то земляку помочь,
Определив меня на самолёт.
Я плохо помню тот ночной полёт.
Конечно, немцы нас пытались сбить.
В Москве очнувшись, попросил я пить...
Потом другой был госпиталь, в Перми.
Так перед смертью хлопнул я дверьми.
Но почему, бабай, — не знаю сам —
Я здесь, а Ваша дочь осталась там...

Я ничего не знаю о войне.
Отец, зачем тревожишь душу мне?
О чём я должен миру говорить?
Тебя, отец, мне не в чем укорить.
Я у твоей могилы вновь стою
И сам себе вопросы задаю.
Лежишь ты рядом с матерью моей.
Вас поминают пятеро детей,
И внуки есть, и правнуки у вас.
И близится к финалу мой рассказ.
Отец, на свете снова меркнет свет!
Ответа нет, ответа нет, ответа нет...

